

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ОЦЕНКЕ ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БУДУЩЕГО

© 2016

С. Хольм

Введение

С самого момента появления научной фантастики как жанра писатели-фантасты постоянно рисуют сценарии будущего, в котором род человеческий эволюционировал настолько, что его представители перестали быть людьми и превратились в пост- или трансчеловеков¹. В одном из первых фантастических романов — “Машине Времени” Герберта Уэллса — герой, отправившись в далекое будущее, попадает на Землю, где человечество разделилось на два отдельных вида: безобидных, но слабых элоев и сильных, но жестоких обитателей подземелий морлоков. И те, и другие — потомки людей, но их эволюционные пути разошлись [23]. В других фантастических романах переход от человеческого состояния к какому-то другому может происходить не в результате эволюции, а под влиянием чужеродных сил или из-за преднамеренных технологических вмешательств [1; 7]. В некоторых романах картина постчеловеческого будущего выглядит дистопией², которая служит для отображения современных социальных условий. Но есть и такие романы, где картина постчеловеческого будущего выглядит вполне утопической. Например, оно может рассматриваться как необходимый шаг в эволюции человечества к лучшему будущему [7].

Сейчас возможность будущего, в котором есть место постчеловеку, настойчиво привлекает к себе внимание философов из-за появления “трансгуманизма” — аморфной коалиции философов, ученых, футурологов и активистов, выступающих за целенаправленное продвижение человечества в сторону постчеловеческого будущего (см., например, веб-сайты Humanity+ [19] и The Singularity University [20] или недавно созданный представительный сайт Transhumanist Reader [13]). Трансгуманисты видят постчеловеческое будущее либо как явление, по-

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Хольм Сёрен (Søren Holm) — датский врач и философ, профессор биоэтики Манчестерского университета, профессор медицинской этики в университетах Осло и Ольборга. Ранее занимал посты Президента Европейского общества философии медицины и здравоохранения и Президента Международной Ассоциации Биоэтики. Область научных интересов — биоэтика, прежде всего взаимодействие этической теории и прикладной этики. В журнале “Человек” публикуется впервые.

Перевод выполнен при финансовой поддержке РФНФ, грант № 15-23-01008. Название принадлежит редакции.

5

¹ Ниже будут обсуждаться возможные различия между “постчеловеком” и “трансчеловеком”, но в данной статье для удобства изложения для обозначения обоих этих понятий используется термин “постчеловек”.

² Дистопия, или антиутопия – изображение будущего, в котором реализуются негативные тенденции настоящего (примеч. пер.).

³ Стандартное, или среднеквадратичное отклонение — мера дисперсии случайной величины относительно ее математического ожидания. Двойное стандартное отклонение показателей интеллектуального уровня будущих людей в сравнении с максимальными показателями сегодняшних будет свидетельствовать о том, что изменения не могли произойти случайным образом (примеч. пер.).

⁴ Предполагается, что сознательный контроль внешней сенсорной информации позволит человеку избежать неблагоприятной стимуляции (к примеру, болевой) и, тем самым, поддерживать свою жизнедеятельность в хорошем состоянии. Не случайно в качестве следующего условия названо исключение психологических страданий, то есть стимуляций, рождающихся “внутри” мозга. Если несколько упростить ситуацию, то счастье человека мыслится как “счастье” крысы, непрерывно вызывающей раздражение центра удовольствия (примеч. пер.).

6

ложительное само по себе, либо как единственный способ избежать гибели разумной жизни.

Сначала вкратце описывается концепция постчеловека в трансгуманизме и различные пути от современного человеческого состояния к состоянию постчеловеческому. Во второй части представлены и проанализированы некоторые фундаментальные философские проблемы, с которыми мы сталкиваемся, когда пытаемся оценить, насколько и в какой степени постчеловеческое будущее хорошо и желательно.

В дискуссиях об этических проблемах различных сценариев постчеловеческого будущего немалую роль играют соображения прав и социальной справедливости, например, вопрос о том, будут ли и должны ли быть защищены права оставшихся людей [13; 24]. Это важный вопрос, но он не относится к теме статьи.

Пути к постчеловеческому будущему

Известный Оксфордский философ и трансгуманист Ник Бостром (Nick Bostrom) определяет условия постчеловеческого состояния следующим образом. Мы достигнем постчеловеческого состояния, когда окажется выполнен какой-то из следующих критериев:

— Население, превышающее 1 трлн человек.

— Ожидаемая продолжительность жизни, превышающая 500 лет.

— Уровень когнитивных способностей большей части населения, превышающий максимальный уровень нынешнего человека на два стандартных отклонения³.

— Практически полный контроль входящей сенсорной информации для большинства людей большую часть времени⁴.

— Психологическое страдание человека становится редким явлением.

— Любое изменение величины или выраженности человеческих способностей, подобное перечисленным выше [2, pp. 63–64.].

Есть разные способы разграничить понятия “постчеловек” и “трансчеловек”, и использование этих терминов в литературе далеко от единообразия. Понятие “постчеловек”, строго говоря, включает только индивидов, которые так или иначе являются потомками людей, но сами уже не люди, в то время как “трансчеловек” хотя и обладает способностями, превышающими человеческие, но все еще может считаться человеком. Большинство трансгуманистов считает, что постчеловек обязательно является улучшенным вариантом нынешних людей. Но мы вместе с Бостромом легко можем представить себе постлюдей, вроде элоев и морлоков Г. Уэллса, которые окажутся не улучшенной, а ухудшенной, деградировавшей версией современного человека.

Существует несколько возможных путей к постчеловеческому будущему [13]. Один — постепенное изменение биологии человека и возможная интеграция небробиологических технологий для получения потомков — генетически модифицированных людей или киборгов [4; 13]. Второй, более радикальный путь — отказаться от человеческого тела и загрузить наше сознание в суперкомпьютеры [9; 12]. Третий, еще более радикальный путь — предполагаемое преобразование через “сингулярность”. Сингулярность — это гипотетическое будущее событие, которое произойдет когда развитие технологий достигнет такой скорости, что произойдет радикальный разрыв между прошлым и будущим. Идея сингулярности была в явном виде высказана футурологом [больше известным как писатель-фантаст — *перев.*] Вернором Винджем (Vernor Vinge) в 1980-е годы в связи с перспективами развития машинного интеллекта [21; 22]. С тех пор она разрабатывается и популяризируется Рэй Курцвейл (Ray Kurzweil) [11]. Виндж считает: “Скоро мы сможем создать интеллект сильнее, чем наш собственный. Когда это произойдет, история человечества достигнет своего рода сингулярности. Произойдет трансформация интеллекта в состояние столь же непонятное нам, сколь неподатливы для интерпретации сгустки пространства-времени в центре черных дыр, и мир уйдет далеко за пределы нашего понимания. Эта сингулярность, полагаю, уже изводит писателей-фантастов — ведь из-за нее никакие реалистичные экстраполяции в отношении межзвездного будущего невозможны. Поэтому если кто-то захочет написать рассказ о событиях, отстоящих от нас более чем на век, понадобится, чтобы описываемым событиям предшествовала ядерная война — только в этом случае мир будущего останется нам понятен” [21].

В трансгуманистической литературе при разработке всех трех путей, как правило, предполагается, что переход к постчеловеческому будущему будет включать и распространение разумной жизни за пределы Земли.

Проблема сравнения

Трансгуманисты настаивают, что мы должны приближать наступление постчеловеческого будущего, для чего, с одной стороны, устранять правовые и административные ограничения, сдерживающие движение по тому или иному из названных выше путей, а с другой — активно способствовать развитию в данном направлении, например, наращивать финансирование исследований, направленных на увеличение продолжительности жизни, на повышение когнитивных способностей и на создание других технологий, так или иначе помогающих достичь постчеловеческого состояния. Они делают это, поскольку думают и утверждают, что для индивида постчеловеческое состояние предпочтительнее, чем человеческое, и что будущее пост-

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

⁵ Консеквенциалистский подход в этике предполагает сравнительную оценку положительных и отрицательных последствий действия, отвлекаясь от принципов и ценностей, которые руководили действиями людей (примеч. пер.).

⁶ В рамках идеологии государства всеобщего благоденствия выделяется вопрос, с одной стороны, о справедливом распределении общественных ресурсов между гражданами, а с другой, — о справедливом распределении между различными возрастными группами, то есть справедливом отношении к отдельным возрастным периодам жизни каждого человека, начиная с периода, предшествующего его рождению. Забота должна справедливо распределяться между еще незачатыми людьми, плодами в утробе матерей, младенцами и т.д. вплоть до пенсионеров. Такой подход предполагает внутрииндивидуальную сравнительную оценку уровней благоденствия в различные периоды жизни индивида (примеч. пер.).

8

человеческое состояние мира в целом также будет предпочтительнее его нынешнего человеческого состояния. Таким образом, утверждают, что постчеловеческое состояние лучше человеческого в двух аспектах: 1) на уровне индивида и 2) на уровне мира в целом.

Какие у нас есть возможности для оценки двух этих утверждений? Отметим прежде всего, что мы чаще всего анализируем аргументы, которые предлагаются в рамках в целом консеквенциалистского подхода⁵. Никто не утверждает, что постчеловеческие существа будут более достойны уважения в кантовском смысле или более добродетельны в аристотелевом смысле. Постулируется, что постлюди будут жить лучше, чем ныне живущие люди, в смысле благополучия и удовлетворения самых важных для них потребностей. Поскольку рассуждения ведутся в рамках консеквенциалистского подхода, ясно также, что ответ на вопрос об индивиде должен предшествовать ответу в отношении совокупности индивидов. Совокупное благополучие при том или ином состоянии мира будет, возможно, сложной агрегатной функцией благополучий отдельных индивидов, живущих в этом мире.

Проблемы, с которыми сопряжены как внутрииндивидуальные, так и межиндивидуальные сравнения благополучия⁶, хорошо известны, но давайте ради простоты предположим, что мы способны проводить подобные сравнения применительно к людям. Однако можем ли мы таким же образом сравнивать благополучие человека и постчеловека?

На первый взгляд может показаться, что ответ на этот вопрос должен быть однозначно положительным. Формулируя сравнительные суждения на этот счет, мы рассматриваем различные аспекты жизни индивидуума, оцениваем, насколько хорошо у него идут дела в этом аспекте, и, возможно, сравниваем полученную оценку с тем, насколько хорошо они могли бы идти, а затем приходим к более обобщенной оценке уровня благосостояния данного индивидуума. В случае межиндивидуальных сравнений нужно сделать такую оценку для каждого индивидуума и затем решить, чье же благосостояние выше. Так почему бы не сравнить таким же образом человека и постчеловека? Если постчеловек, скажем, радикально улучшил свои способности к восприятию музыки или кулинарного искусства по сравнению с современными людьми, то можно сказать, что из-за большей способности оценить эти виды искусства он или она будут благоденствовать больше, чем нынешние люди. Так что все, что нам нужно, — это использовать те же методы, что и при оценке различий в благополучии между людьми. И поскольку постлюди должны иметь улучшенные способности, то из этого почти по определению следует, что они должны быть более благополучными. А потому стремление к постчеловеческому состоянию следует поощрять. Савулеску (Savulescu), например, рассуждает так: "... у нас есть мо-

ральное обязательство улучшить представителей рода человеческого. Я утверждаю, что если существует моральная обязанность лечить людей и предупреждать болезни, то существует и моральная обязанность генетически и другими средствами улучшать людей, поскольку это увеличивает их благополучие” [17, р. 36].

Есть, однако, проблема с таким ответом на сравнительный вопрос: когда речь идет не о конкретном, единичном улучшении, но в целом о постлюдах, сильно отличающихся от нынешних людей по широкому спектру способностей, возможность сравнения выглядит более проблематичной. Давайте сначала рассмотрим потенциально аналогичный вопрос и проведем межвидовое сравнение в благополучии между львами и антилопами гну. Мы в состоянии делать внутривидовые сравнения, то есть оценивать с определенной степенью точности, добивается ли конкретный лев или гну большего успеха или у них дела идут хуже, чем у других львов или гну. Но, кажется, нет никакого очевидного способа проводить межвидовые сравнения между львом и гну, если уровень благополучия у обоих нормален для их видов.

Даже если мы способны разумным образом сравнить благополучие счастливого, упитанного льва и несчастного, голодающего гну, — это еще не значит, что мы можем точно также утверждать, что тот или иной счастливый лев более (или менее) благополучен, чем тот или иной счастливый гну. Можно было бы возразить, что в других случаях мы все-таки в состоянии давать сравнительные межвидовые оценки благополучия — например, сравнивать по этому признаку льва с москитом и быть вполне уверенными, что у нестрадающего льва уровень благополучия выше, чем даже у наилучшим образом питающегося москита. Это верно, но верно лишь потому, что большинство из нас не считают, будто москиты и другие насекомые испытывают какое-то благополучие в субъективном смысле: ведь их нервные системы недостаточно развиты, чтобы обеспечивать внутреннюю жизнь.

Поэтому если постлюди так же отличаются от нас, как львы от гну, то возникает проблема со сравнением благополучия между индивидами. Но, может быть, эту проблему удастся решить путем воображаемого проецирования? Чтобы оценить благополучие постлюдей, я мысленно помещу себя в их условия и попробую таким образом провести сравнение. Однако возможность сделать это проблематична, по крайней мере, по двум различным причинам. Первая проблема была выявлена и успешно сформулирована Витгенштейном в “Философских исследованиях”: “Умей лев говорить, мы не могли бы его понять” [25, р. 327]. Есть образы жизни столь отличные от нашего, что мы, вероятно, не сможем понять их, даже если нам их объяснят. Вторая проблема возникает, если мы отвергаем мысль Витгенштейна, что мысленное проецирование себя

ЧЕЛОВЕКОЗНА- НИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

в другие формы жизни может оказаться невозможной вещью. Но даже если Витгенштейн не прав, мы можем спроецировать себя в воображении лишь из того места, которое занимаем в данное время. И наша проекция будет сформирована экстраполяциями уже имеющегося понимания себя (точнее, нашей веры в то, что мы понимаем), человеческой природы и человеческого благополучия. Даже при самом сильном воображении мы должны в своем проецировании от чего-то отталкиваться. Мы должны отталкиваться от явно сформулированной или неявной философской антропологии [10].

С этим не согласен Бьюкенен (Buchanan): “Нам могут возразить: все же для того, чтобы выдвинуть адекватную концепцию благополучия человека, позволяющую провести различие между ним и благополучием других животных, необходимо представление о природе человека. К примеру, можно утверждать, что наше благополучие требует способностей к сложным и осознаваемым формам социальности, определенной автономии (способности не просто жить, но управлять своей жизнью) и т.д. Все так, но об этом можно сказать, и не обращаясь к идее о природе человека, которая предполагает набор характеристик, общих для всех людей и присущих только им. Можно предположить, что если существуют внеземные разумные существа, то и для их благополучия будет необходима способность к самосознанию, к сложным формам социальности и автономии, несмотря на то, что они — не люди. Если мы утверждаем, что некоторые способности, которые, как мы убеждены (возможно, ошибочно), свойственны именно человеческой природе и необходимы для нашего благополучия, — то соответствующие нормативные суждения основываются на убежденности в том, что способности эти необходимы для нашего благополучия, а не в том, что они специфичны для человека” [6, р. 149].

Для начала, следуя за аргументацией Бьюкенена, отметим, что идея “природы человека” или разработанная философская антропология не обязательно предполагают утверждение о наличии “набора характеристик, общих для всех людей и присущих только им”. Утверждения об универсальности и уникальности не входят в отстаиваемую нами идею “природы человека” как неизбежный или необходимый элемент. Ничто, в принципе, не мешает двум разным биологическим видам иметь одну и ту же природу, — если под термином “природа” мы понимаем характеристики существования, лежащие в основе адекватной концепции нашего благополучия. Природа, о которой идет речь, — это не платоновская или аристотелевская сущность, которая делает вещь тем, что она есть. Если взять сюжет романа “Планета обезьян” [5]⁷, в котором обезьяны приобрели человеческие когнитивные способности, то как основа для оценки обсуждаемого здесь уровня благополучия человеческая природа и природа обезьян идентичны (или

⁷ “Планета обезьян” — научно-фантастический роман французского писателя Пьера Буля, в котором на планете, очень похожей на нашу, человек в своем историческом развитии зашел в тупик и утратил разумность, поменявшись местами со ставшими разумными обезьянами (примеч. пер.).

почти идентичны). Более того, Бькенен не замечает или игнорирует важный для данной дискуссии аспект взвешивания важных интересов. Недостаточно понимать, что для благополучия развитого разумного существа необходимы “способность к самосознанию, сложным формам социальности и автономии”. Для сравнения уровней благополучия нам необходимо будет еще и знать, насколько именно эти черты необходимы как сами по себе, так и в сочетании друг с другом, а также со многими другими свойствами сложного разумного существа, влияющими на его благополучие. Вернемся к аналогии с животными. Все млекопитающие имеют сложные формы социальности, но насколько именно эта конкретная черта важна для обобщенного уровня благополучия того или иного вида млекопитающих? Важность этой характеристики будет сильно различаться в зависимости от образа жизни каждого вида. И львы, и тигры — большие кошки, но их образ жизни сильно различается, как очень сильно различаются их формы социальности.

Вторая сложность сравнения — это проблема агрегации. Предположим, что хорошо известные возражения против консеквенциалистской концепции агрегации можно преодолеть [15; 18] и что благоприятность положения дел можно выразить в виде потенциально очень сложного агрегата оценок благополучия индивидуумов. В постчеловеческом будущем будет куда больше, чем сейчас, видов существ, обладающих самосознанием, которые необходимо будет учитывать в наших расчетах. Там будет не какой-то один вид постчеловека, а много резко различающихся видов. Значит, чтобы обеспечить возможность агрегирования, наша сравнительная оценка уровня благополучия должна быть масштабируемой. Мы должны не только судить, что более или менее благополучен будет тот или иной тип постчеловеческого существа, но и указать, насколько больше или меньше. Очевидно, что это усложняет проблему сравнения, о которой мы подробно говорили выше. На те же трудности наталкивается и агрегирование, осуществляемое на основе консеквенциалистского подхода, с помощью которого пытаются сравнивать благополучие людей и животных. Эта проблема обычно “решается” ограничением области агрегации сообществом людей. Но применительно к постчеловеку ограничения области агрегации не помогут решить проблему, поскольку нет никаких разумных аргументов для исключения из этой области людей или постлюдей.

Есть и другой аспект проблемы численных показателей. Как показывает приводившаяся выше дефиниция постчеловека у Бострома, некоторые сценарии постчеловеческого будущего включают резкий рост численности населения, например “больше 1 трлн людей”. Но можем ли мы с уверенностью проводить агрегирование при таких масштабах? Обсудим сценарий, в рамках которого единственным изменением стал

С. Хольм
Философские
проблемы
в оценке
постчеловече-
ского будущего

135-кратный рост народонаселения. Будет ли новое постчеловеческое состояние лучше в 135 раз (простая агрегация), в 11,6 раза (агрегация как функция квадратного корня) или вообще не лучше, а, возможно, и хуже? Трудно понять, как можно убедительно ответить на этот вопрос. Конечно, теоретические ответы найдутся. Какой-нибудь классический гедонист и утилитарист ответит, что лучше будет в 135 раз, но насколько можно быть уверенным, что теоретические ответы верны или, хотя бы, просто вразумительны?

Проблема сингулярности

Особые трудности для ответа на вопрос, должны ли мы стремиться к постчеловеческому будущему, создает вопрос о сингулярности. Ученых, предсказывающих неизбежное наступление события Сингулярности, при всех их различиях объединяет одна черта. Сингулярность мыслится как радикальный разрыв с прошлым — настолько радикальный, что предсказывать, анализировать и просто говорить о том, что будет после нее, невозможно: сингулярность предстает как непроницаемый эпистемический барьер. Но некоторые теоретики Сингулярности настаивают, что мы должны развивать технологии, приближающие это событие, и устранять все барьеры на этом пути [11; 16]. Очевидно, то, что последует за сингулярностью, должно быть благом, и большим благом, чем ныне существующее — иначе зачем было бы ускорять его приближение.

Но такой вывод ставит трансгуманистических поборников сингулярности перед дилеммой. Сингулярность либо эпистемологически непрозрачна, а поэтому мы не можем утверждать и доказывать, что состояние мира после ее наступления будет благом само по себе или, во всяком случае, лучшим, чем какое-то иное его состояние; либо эпистемологически прозрачна, и мы можем давать ее оценки и иметь основания приближать ее. Чего трансгуманизм не может, — так это идти обоими путями одновременно.

Из теоретических разработок идеи сингулярности очевидно, что она мыслится как радикальный разрыв со всем, что было прежде, поэтому трансгуманисты, скорее всего, выберут именно этот “рог” дилеммы. Сингулярность — настолько радикальное событие, что мы не можем сказать, стоит ли его приближать или нет, потому что мы эпистемически изолированы от любой информации, которая могла бы послужить основанием для оценки благодати пост-сингулярного состояния.

Ситуация во многих отношениях аналогична той, с которой сталкиваются религиозные эсхатологии, которые пророчествуют о наступлении какого-то нового, не похожего на нынешний день будущего. Для привлечения людей им приходится что-то говорить о таком будущем. Например, христианская эсхатоло-

гия вынуждена что-то утверждать об условиях, в которых окажутся благословенные в раю, но говорить об этом можно не слишком много и не слишком конкретно, поскольку пророчат именно полный разрыв с прошлым [8; 26].

Так как же мы можем оценить сингулярность в ее радикальной инаковости? Один из путей — провозгласить: что мы знаем что есть, но не что будет, а поэтому, давайте основываться на том, что уже имеется. Этот путь можно упрекнуть, и порой справедливо, в том, что он основывается на “предубежденности статус-кво” — совокупности когнитивных предубеждений, принуждающих при принятии решений переоценивать ценность настоящего состояния и недооценивать возможность изменений к лучшему [3]. Но возражения против “предубежденности статус кво” неприменимы к данной конкретной ситуации выбора, если мы действительно не можем ничего сказать о состоянии после сингулярности. Мы не можем ни недооценивать сингулярность, ни переоценивать ее по той простой причине, что вообще не можем оценивать ее. И в этой ситуации не так уж неразумно придергиваться того, что уже есть.

Многие теоретики утверждают, что сингулярность неизбежна. Она наступит потому, что будет порождена научными и технологическими достижениями, которых добиваются по независимым причинам, в частности, достижениями в области искусственного интеллекта, когнитивного улучшения и радикального продления жизни. Но если мы и примем тезис о неизбежности сингулярности, то все равно непонятно, должны ли мы содействовать ее наступлению, то есть прилагать усилия, чтобы она наступила раньше, чем она наступила бы без этого, или же мы должны затормозить развитие событий, ведущих к сингулярности или пытаться как-то повлиять на ее последствия. Виндж, к примеру, в своей работе 1993 года представил некоторые возможные сомнительные последствия сингулярности и предложил пути их возможного предотвращения [22]. Но это, опять же, вопросы, на которые нельзя ответить, если сингулярность действительно создает эпистемический барьер. Если мы не можем представить себе, что наступит после сингулярности, то мы не можем и пытаться воздействовать на эти непредсказуемые последствия.

Мы оказываемся в тупике. Если сингулярность случится, то она станет воистину радикальной переменной, возможно, столь же существенной для великой схемы хода вещей, какой было возникновение жизни на Земле, и, видимо, сама станет направляющим фактором и повлияет на наше отношение к будущему. Но она не способна сыграть такую роль, так как теоретически это событие мыслится столь радикальным, что не может как-либо учитываться в рациональном принятии решений. Ни одно ответвление на дереве принятия решений, обрубавшее в Сингулярности, нельзя оценить, и его ценность может лежать

в интервале от плюс бесконечность до минус бесконечность. Поэтому любое мнение о том, нужно ли содействовать наступлению Сингулярности, оказывается предельно бессмысленным и абсолютно необоснованным.

Заключение

Как было показано, утверждение, что мы должны способствовать развитию в направлении постчеловеческого состояния, потому что оно представляет собой как индивидуальное, так и общее благо, является сомнительным. Чем больше отличие постлюдей от людей, тем затруднительней оценить и сравнить благополучие индивидуумов. И — поскольку оценка индивидуального благополучия является необходимым компонентом оценки общего блага в постчеловеческом состоянии, — тем труднее сравнивать нынешнее состояние с состоянием постчеловеческим. Чрезвычайно затруднительно и агрегировать индивидуальные благополучия для огромного населения постчеловеческого мира. В своей совокупности эти два аргумента доказывают, что оценка общего блага постчеловеческого будущего практически невозможна.

Кроме того, показано, что эпистемические последствия сингулярности делают предельно безосновательными рассуждения о том, нужно или не нужно содействовать ее наступлению.

Литература

1. *Bear. G. Darwin's Radio*. L.: Ballantine Books, 2000.
2. *Bostrom N. The future of humanity // Geopolitics, History, and International Relations*. 2009. № 1(2). P. 61–78.
3. *Bostrom N., Ord T. The Reversal Test: Eliminating Status Quo Bias in Applied Ethics // Ethics*. 2006. № 116 (4). P. 656–679.
4. *Bostrom N. A history of transhumanist thought // Journal of Evolution and Technology*. 2005. № 14 (1). P. 1–25.
5. *Boulle P. Planet of the Apes*. NY: Vanguard Press, 1963.
6. *Buchanan A. Human Nature and Enhancement // Bioethics*. 2009. № 23(3), P. 141–150.
7. *Clarke A.C. Childhood's End*. L.: Ballantine Books, 1953.
8. *Cole-Turner R. The singularity and the rapture: Transhumanist and popular Christian views of the future // Zygon*. 2012. № 47(4). P. 777–796.
9. *Harle R.F. Cyborgs, uploading and immortality — Some serious concerns // Sophia*. 2002. № 41(2). P. 73–85.
10. *Holm S. Naturalness and Anthropology in Modern Bioethics, with a Special View to Trans- and Post-Humanism // Theology and Science — Issues for Future Dialogue/ Ed by H. Kragh*. Aarhus: University of Aarhus, 2007. P. 17–29.
11. *Kurzweil R. The singularity is near: When humans transcend biology*. L.: Penguin, 2005.
12. *Merkle R.C. Uploading // The transhumanist reader: Classical and contemporary essays on the science, technology, and philosophy of the human*

future/ Ed by M. More, N. Vita-More Chichester: John Wiley & Sons, 2013. P. 157–164.

13. *More M. and Vita-More N.* (eds.). The transhumanist reader: Classical and contemporary essays on the science, technology, and philosophy of the human future. Chichester: John Wiley & Sons, 2013.

14. *Niekerk van A.A.* 2014. After Humanity? Philosophical and Moral Perspectives on the Idea of Posthumanity // *Studies in Sociology of Science*. № 5(2). P. 119–124.

15. *Rawls J.* A theory of justice (revised ed.). Boston: Harvard University Press, 2009.

16. *Sandberg A.* An Overview of Models of Technological Singularity // *More M. and Vita-More N.* (eds.). The transhumanist reader... P. 376–394.

17. *Savulescu J.* New breeds of humans: the moral obligation to enhance // *Reproductive BioMedicine Online*. 2005. № 10. P. 36–39.

18. *Smart J.J.C., Williams B.* Utilitarianism: For and Against. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.

19. URL: <http://humanityplus.org/>

20. URL: <http://singularityu.org/>

21. *Vinge V.* First Word // *Omni*. 1983. № 10. available at <https://www.flickr.com/photos/87913776@N00/7113330247/>

22. *Vinge V.* The coming technological singularity: How to survive in the post-human era. 1993. <http://ntrs.nasa.gov/search.jsp?R=19940022856>

23. *Wells H.G.* The Time Machine. L.: William Heinemann, 1895.

24. *Wikler D.* Paternalism in the age of cognitive enhancement: do civil liberties presuppose roughly equal mental ability? // *Savulescu J. and Bostrom N.* (eds.) *Human Enhancement*. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 341–355.

25. *Wittgenstein L.* *Philosophical Investigations* (4th ed.). Oxford: Blackwell, 2009.

26. *Zimmerman M.* The singularity: A crucial phase in divine self-actualization? // *Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy*. № 4(1–2). P. 347–370.

© 2016 Перевод с английского П.Д. ТИЩЕНКО

НОВЫЕ КНИГИ

Акт П., Акт-Гидерман М. Ленивые живут дольше: Как правильно распределять жизненную энергию / Пер. с нем. М.: Альпина паблишер, 2015. 158 с.

Блект Р. Алхимия общения: Искусство слышать и быть услышанным: Избр. притчи / Пер. с англ. М.: АСТ, 2015. 224 с.

Бурбо Л. Эмоции, чувства и прощение / Пер. с фр. М.: София, 2015. 128 с.

Бэндлер Р., Гриндер Д. Большая энциклопедия: Структура магии / Пер. с англ. М.: АСТ, 2015. 445 с.

Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия / Пер. с англ. 2-е изд. СПб.: Питер, 2014. 416 с.

Гиппенрейтер Ю.Б. Эти дети: Кто они? М.: АСТ, 2015. 122 с.

Гоулман Д. Фокус. О внимании, рассеянности и жизненном успехе / Пер. с англ. М.: АСТ; Corpus, 2015. 384 с.

С. Хольм
Философские
проблемы
в оценке
постчеловече-
ского будущего

 с. 73

15